

**«Заметка по поводу»
В виде предисловия к «Эстетическим заметкам»¹**

У одних есть способность к творчеству, у других нету, или совсем маленькая, одни умеют любить, другие совсем не умеют. Старо.

Но почему дана человеку способность любить, чувствовать, сознавать красоту произведения искусства. Почему один предмет не трогает человека, а впечатление же другого идет в самую глубь души. – Объяснить бы, пожалуй, и можно было, но – всяк объяснение такого рода явлений до той степени отзываются мертвой диалектикой, что редко кого удовлетворили бы. Впрочем, как бы то ни было, объяснение есть. Наука готова к услугам.

Но кто скажет, почему человек, слушая превосходно созданный романс в отличном прочувствованном исполнении просто с любопытством и удовольствием слушает его, а в другой – к какой-нибудь фразе в восторге прислушивается, любовно повторяет его в душе, напевает и порой же все звуки запечатлевает в сердце.

У всякого человека есть любимые стихи, песни, сонаты, картины, и не то чтобы это именно любимые произведения, соответствовали его настроением, выражали его индивидуальность, более чем всякое другое. Несомненно, что человек не может любить и ни на что отзываться, чтобы не нажимало хоть слабо какую-нибудь клавишу его души. Душе ничего не сообщается извне нового. Если, я понимаю и люблю музыку вообще,² это значит я понимаю деятельность своей души по преимуществу в форме музыки. Если я люблю музыку и живопись, следовательно, существует две не одна, а две формы выражения деятельности моей души. Чем больше форм выражения понимает человек тем, следовательно, шире область его внутренней жизни. Мало людей любящих и чувствующих все искусства, мало даже таких, которые ценя какое-нибудь одно искусство, любили и чувствовали его сполна, обыкновенно человек, любя поэзию, часто не любит сентиментальных стихотворений, любя музыку, не любит напротив опер Вагнера. Все это так и все это понятно. Человек – любит и чувствует только свою душу и понимать способен только ее, да причем еще выраженную в таких-то, а не в других формах. Все это так, но почему же даже люди с разносторонней, так сказать, многозвучной душой, любители и тонкие ценители всех искусств (такие, хотя и редко, да бывают) искренно, просто, если они только спустятся с высот тонких ценителей, по человечески любят в музыке хотя бы те же некоторые мелодии, отдельные музыкальные фразы, что и простые смертные, обладающие муравьиной душой и способные понимать последнюю, в данном случае, только в форме музыки? Словно бы у всех людей есть один и тот же, вполне одинаковый³ не тронутый ни преобладающей страстью, ни наносам жизни, ни рефлексией, уголок души,

¹ Вычеркнутый подзаголовок: Заметка о формах выражения души.

² Вычеркнутая фраза: ...слух вникает в музыку и передает ее душе

³ Первоначально: эквивалентный.

окутанный *какой-то* темной непроницаемой, бесчувственной корой, которую прорывают вдруг, и даже не прорывают а прокалывают сладким нежным жалом⁴ и жалят и вливают в узенький проход сквозь нее пленительный общечеловеческий мед – те самые простые, всякому сердцу говорящие музыкальные фразы (для примера будем везде брать музыку). Так, кажется, словно бы – и есть такой уголок. Но я имею и другое предположение, за несостоятельность и явный романтизм которого заранее извиняюсь.

Мне кажется, что такие отдельные магические места в художественных произведениях действуют так одинаково волшебным, потому что они не пропущены через фильтр *мысли* и все темную кору души.

Дело в том – я хочу развить мое предположение – дело в том, что мысль не есть содержание души, а только форма для его выражения, подобно тому как есть формы для выражения души звуки, краски, слова и линии, но только ближе стоящая к ней, потому что она воспринимается ею непосредственно без помощи какого-нибудь из пяти чувств. Философия есть искусство для своих целей не берет⁵ исключительно им намеченных и-ему предназначенных природою целей. Искусство создали люди. В природе есть звуки, мы их слышим в пении птиц, в шуме моря и леса, в завывании ветра, в ударе топора о дерево и молота о железо, в вое зверей, в жужжании мухи, в природе есть слова – наиболее характерные соединения простейших членораздельных звуков, которые способен производить человек, в природе есть краски, они разлиты вокруг нас везде в самых разнообразнейших и тончайших своих наслоениях, чередованиях и переливах, в природе есть линии грубые и нежные, широкие и сдержанные, чистые и смешанные. Человек извлек из природы для выражения деятельности своей души совершеннейшие комбинации из звуков, красок, линий и слов, связал их общей идеей *красоты*, отвоевал для них в жизни самостоятельную область и назвал ее *искусством*.⁶

Истинное творчество состояло бы в том, чтобы «свою внутреннюю» передавать непосредственно форме, которой служит художник, но в практической жизни мысль, является единственной и неизбежной формой, в которую воплощается «внутренняя». Интеллект, привыкший непосредственно воплощаться в мысль, до такой степени, что душа наша находится постоянно в одежде из мысли,⁷ не дает по инерции воплотиться душе художника непосредственно в другие формы, таким образом, в большинстве художественных произведений мы имеем душу в одежде из мысли, воплотившуюся в форме звуков, красок, слов и т. д.

Те мелодии, о которых я говорил, что они обладают медовым жалом, способным прорвать туман, окутывающий таинственный уголок души, – есть

⁴ Вычеркнуто: мягким.

⁵ Первоначально: не может

⁶ Первоначально: Человек связал каждый из этих элементов общей идеей красоты.

⁷ Вычеркнута фраза: ..., а иногда (часто у женщин...)

мелодии, вылившиеся в предназначенные формы, сво<бо>ная от одежды мысли. Да этот уголок есть и уголок этот центр души, внутренняя человека крупица духа, тлеющая в каждом, чуждая⁸ каких-бы то ни было покровов и примесей. Она только очень глубоко окутанная столькими формами.

Если так называемая душа и ее деятельность – земной шар, то крупица эта – математическая точка ее центра, ничтожная в сравнении со всем земным шаром, облекающим ее по количеству массы и по длине радиуса, и бесконечно – великая по силе и значению.

Кора груба и огромна и только некоторые избра<нные> художники сумели совершенно или более или менее, сбрасывая кору, облекать свою «крупицу» в более благородные формы.

1895 г<од>

Владимир Гиппиус

Только некоторые, очень, очень немногие и притом даже не самые великие, иногда совсем небольшим талантам просто случайно удавалось сбросить кору, тогда и выливались те пленительно-простые мелодии с медовым жалом, но кора будто⁹ в сказке, не успеешь оглянуться, как новая выросла и точь в точь такая же, словно бы и не отпадала. Немножко действительно на сказку похоже, только предположение моё, если не правда, то, во всяком случае, правдоподобно и, по моему мнению, очень может выяснить многие психологические вопросы в области художественного творчества.

18/VII 1895 г<од>

Владимир Гиппиус

⁸ Первоначально: и свободная...

⁹ Первоначально: словно.